

ТЕМА НОМЕРА: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ

УДК 323.22(470+571):316.334.3

Ю.А. Красин ФЕНОМЕН УЛИЧНЫХ ПРОТЕСТОВ И КОЛЕЯ РОССИЙСКОГО ВЫБОРА

КРАСИН Юрий Андреевич — доктор философских наук, профессор, почетный доктор Института социологии РАН. E-mail: krasinyua@mtu-net.ru.

Обращаясь к проблематике уличных протестов в России 2011–2012 гг., Ю.Красин связывает их с прогрессирующей дегуманизацией всей системы отношений между людьми, видит в них свидетельство стремления к возврату социума к принципам гуманизма. Специфика ситуации видится в осознании обществом потребности в изменении политической системы, не способной эффективно противодействовать угрозам дегуманизации, и одновременно в инерционном характере политического развития, торможении перемен. Автор анализирует причины сдерживания глубоких демократических преобразований авторитарной политической системы и возможности их преодоления, в основе которых, по его мнению, должно лежать гуманистическое просвещение.

Ключевые слова: протесты, уличные протесты, гуманизм, дегуманизация, политическая система, инерция, демократизация, просвещение, либерализм, рынок, цивилизация.

*И вопреки бичам идеологий
Колеса вязнут в старой колее...
Максимилиан Волошин*

Всплеск массовых уличных протестов, начавшийся в декабре 2011 г. в двух мегаполисах и наиболее крупных городских центрах России, основательно встряхнул политическую жизнь страны. Поначалу могло показаться, что дан старт общероссийскому протестному движению. Многие политики и политологи заговорили о крутом повороте в политическом развитии российского общества. Но... реакция большинства населения страны разошлась с ожиданиями активного меньшинства. Тем не менее в политической реальности и общественном сознании произошло что-то существенное. За короткий отрезок времени обществом накоплен новый социальный опыт, нуждающийся в серьезном осмыслении, которое позволит поставить нынешнее протестное движение в более широкий контекст российской реформации и яснее понять, что происходит.

© Красин Ю. А., 2012

Уличный протест по преимуществу артикулировал требования отнюдь не экономического характера. В первую очередь протестующие возмущались цинизмом, ложью и лицемерием власти в отношениях с обществом, попранием государственными чиновниками человеческого достоинства и чести граждан. За этим стоит быстро нарастающее стремление вернуть в больной социум принципы гуманизма, превратить их в оплот возрождения России. Граждане отчетливо узрели лавину угроз, нависшую над российским обществом. Общий знаменатель этих угроз — прогрессирующая дегуманизация всей системы отношений между людьми.

Исторический бэкграунд российского общества благоприятствует развитию этой тенденции. Алгоритм становления и развития российской политической культуры — конфронтация (расколы, противостояния, идеологическая нетерпимость). В XX в. России суждено было пройти все круги ада: кровь, ненависть, насилие, страх (три революции, жестокая гражданская война, две мировые войны с многомиллионными человеческими потерями, «большой террор» и ГУЛАГ). Все это запечатлелось в исторической памяти народа, вошло в социальный генетический код общества.

Вектор, заданный лихими девяностыми, начиная с авторитарного правления и кончая избыточным социальным неравенством и расслоением общества, также противоречит сути гуманистического обновления, ведет к разрушению гуманитарной среды. Россия охвачена процессами дегуманизации общества. На это указывают факты: флюсы рентной экономики, деградация целых отраслей производства и регионов страны, вопиющее социальное неравенство, культ золотого тельца, всепроникающая коррупция, запредельное социальное неравенство, произвол и унижение человеческого достоинства со стороны сильных, разрушение солидарных связей, консолидирующих социум, подрыв трудовой этики, потеря нравственных и идейно-политических ориентиров жизнедеятельности и развития.

Свидетельства тому — разрушение систем образования и здравоохранения, падение морали, ожесточение межчеловеческих отношений, духовное опустошение. Идеалы, благородные устремления улетучиваются из социума, по существу лишая его какого бы то ни было целеполагания. Исчезают маяки высокой нравственности, бескорыстного служения общему благу, на которые людям можно было бы равняться. Явно доминирует стремление к тому, чтобы все отношения между людьми втиснуть в один гипертрофированный рынок, которому нет весомых противовесов.

Под предлогом рыночной эффективности внедряется тотальная коммерциализация общественной жизни, из нее выхолащивается гуманистическое содержание. Человек с его разносторонними потребностями, желаниями, эмоциями, страстями становится самым тяжким обременением эффективной рыночной экономики — источника богатства и власти для сильного меньшинства. Творческий индивид в таком социуме не востребован, он задыхается. Нормативы общественного поведения кроются по лекалам индивидуальной и групповой выгоды для богатых и сильных. Гуманистические мотивы в поведении людей, в их отношении к социальной политике клеймятся как проявления патернализма и иждивенчества, несовместимые с рыночными принципами.

Опросы социологов показывают, что в общественном сознании эти угрозы и деформации зафиксированы уже давно. На протяжении 10–15 лет научная общественность разными способами старалась обратить внимание власти на необходимость ответить на поток вызовов изменением вектора проводимой политики. Новизна нынешней ситуации состоит не в признании фактов нарастающих угроз, а в осознании потребности в изменении

политической системы, которая в ее нынешнем застойном состоянии не способна эффективно противодействовать этим угрозам.

В какой-то мере потребность в политических переменах поняла и сама власть, столкнувшись с тем, что она все чаще не может управлять по-старому. Наметившаяся подвижка в позициях власти вызвана давлением обстоятельств и связанным с этим всплеском протестного движения наиболее активной и мыслящей части общества. Это свидетельствует о том, что перемены назрели, но их осуществление вовсе не предопределено, тем более в какие-то сжатые сроки.

Пока вносимые в Думу законопроекты политических реформ скорее напоминают имитацию перемен. Они не ослабляют (не говоря уж об устранении) доминирующего положения в политической системе правящего меньшинства — узкой группы государственной бюрократии, сросшейся с верхушкой олигархии. Ощущая давление факторов, требующих изменить политическую систему, лидеры авторитарного режима испытывают давление фактора социально-групповой солидарности правящего меньшинства, не заинтересованного в политической модернизации. Трудно сказать, чем и когда закончится противоборство этих двух факторов. Ясно, что произойдет это не скоро.

Для всей российской истории характерна огромная сила инерции политического развития. Как будто бы общество движется по глубокой и вязкой колее, из которой невероятно трудно выбраться. Вероятно, это обусловлено обширностью территории страны, ее социокультурной неоднородностью, что вынуждает к жесткой централизации государственной власти, гипертрофированной экспансии государственного начала и, как следствие, слабости личностного начала, особенно в политической сфере. Чтобы начать перемены, нужна радикальная встряска всего социума. Потом воцаряется анархия безвременья. Завершается цикл исторической реверсией. Социология революции обстоятельно исследовала феномен «термидора»: обычно революционный порыв заводит дальше границ, маркированных объективно назревшими задачами, и поэтому вслед за порывом следует откат назад, к частичной реставрации традиционных установлений. В российской истории подобные откаты наблюдаются и в процессе реформ, посягающих на консервативные устои общества. «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, — отмечал В.О. Ключевский, — не доглядели, как русская старина преображала реформу».

Всплеск протестного движения в период выборов, безусловно, выразил потребность в реформе политической системы, которая в ее нынешнем состоянии блокирует инновационную модернизацию российского общества. Кому-то даже показалось, что произошла та самая общенациональная встряска, которая делает политические реформы неотвратимыми. Но потом обнаружилось, что протестное движение в двух мегаполисах и в нескольких городах миллионниках не получило адекватного резонанса на общенациональном уровне. Что-то помешало перейти Рубикон и вступить на территорию глубоких демократических преобразований авторитарной политической системы.

Парламентские и президентские выборы 2011–2012 гг., показали, что наше общество расколото. Сторонников больших перемен у нас меньшинство. А большинство остается на конформистских позициях: многим недовольно, но считает, что стабильность лучше перемен. Причин тому много, и они неоднозначны. Отчасти это опасение любых реформ, которые сквозь призму собственного негативного опыта видятся простым людям как знак приближающейся беды, отчасти — отсутствие ясной альтернативы нынешнему политическому режиму, отчасти — инертность общественного сознания, приверженность традициям

авторитарной политической культуры. И не в последнюю очередь — это синдром «рентного пирога», от которого, надо признать, хотя далеко не в равной мере, получают все слои общества.

Причины эти преходящи. Процессы дегуманизации продолжаются, а инновационная модернизация общества пробуксовывает. Последствия будут побуждать граждан к осознанию необходимости гуманистического прорыва. Но это сравнительно долгий процесс. Перипетии социально-политического развития российского общества показывают, что Россия не может сразу, одним рывком выбраться из вязкой авторитарно-патерналистской колеи инерционного развития. Но она испытывает нарастающую потребность и усиливающуюся гражданскую тягу к преобразованиям инновационного гуманистического характера. Важно, чтобы эта цель не потускнела в «рентном зазеркалье», а стала предметом повседневной мирной борьбы — длительной, настойчивой, целеустремленной, терпеливой, сопряженной с гуманистическим просветительством.

Просвещение в этом контексте выступает важнейшим средством борьбы за перемены. Как справедливо отметил известный публицист А. Архангельский в блоге «Живого журнала», «без просвещения бесполезна мирная борьба; но без мирной борьбы не будет просвещения»³.

Правильная мысль: нельзя вести успешную борьбу за перемены, не получая ясных, обоснованных убедительными доводами представлений о смысле, механизмах и противоречиях российской реформации, не очищая общественное сознание от устаревших стереотипов, мифов и предрассудков. В то же время гуманистическое просвещение невозможно без настойчивой борьбы за расширение и нормальное функционирование публичной сферы, без создания условий и постоянного стимулирования общественной рефлексии. Это — две стороны одной медали. Просвещение должно стать органической частью последовательного научного осмысления узловых проблем российской реформации.

Политическое развитие России происходит на фоне глобальных процессов дегуманизации, которые можно рассматривать как своего рода издержки гигантских качественных изменений во всемирной истории человечества. Со второй половины XX в. наметился тектонический сдвиг в развитии цивилизации, началось «большое переформатирование» социума. Фундаментальной основой этого сдвига стало перемещение центра тяжести общественной жизнедеятельности с материальных факторов на духовные — знание, информацию, творчество. Главенствующую роль во всей производственной и социальной деятельности начинает играть всеобщий труд — сублимированный в науке интеллектуальный ресурс общества. Рождается качественно новый, инновационный тип развития (ИТР), который базируется на творческой энергетике общества, на высоких технологиях. На смену индустриальному обществу приходит общество постиндустриальное (информационное), где генератором развития становится креативный потенциал индивида (человеческий капитал), включенный в кооперацию солидарной общественной деятельности (социальный капитал).

Иными словами, задается более высокая планка требований к человеку: человек-творец, свободный индивид в солидарном обществе. Это означает, что социум выходит на более высокий и еще не вполне осознанный им рубеж креативности в сотворении и регулировании среды обитания. Похоже, что подтверждается провидческая идея В.И. Вернадского о том, что мы стоим на пороге ноосферы. Происходит органическое слияние

³ <http://polit.ru/article/2012/03/11/voices>.

творческой мысли и целенаправленного действия. Идет поиск контуров гуманистической цивилизации более высокого уровня.

Поворота такого масштаба, какой обозначился в наше время, не было в истории человечества. Разве что само появление на земле homo sapiens, для чего потребовалось сотни тысяч лет. Сейчас же историческое время сжато, можно сказать, спрессовано, поэтому никто не знает, преодолет ли человечество сложный этап «большого переформатирования» социума или будет отброшено далеко назад. Выбор не предопределен. Как предостерегал в апреле 2001 г., незадолго до своей кончины, известный общественно-политический деятель Г. Шахназаров, перспективе рождения ноосферы реально угрожает альтернатива зоосферы. На это и указывают тревожные тенденции дегуманизации общества: неспособность отказаться от национально-государственного эгоизма в мировой политике, экспансия второсортной культуры, коммерциализация производства и распространения духовных ценностей, чреватая необратимым снижением интеллекта. «И в этом отношении, — отмечал ученый, — мы не приближаемся, а отдаляемся от вождя ноосферы».

За последние три десятилетия глобальному социуму последовательно и упорно навязывается своеобразный культ рынка, культ частного, сводящий на нет понятие общего блага. Рынок воспевается его адептами как абсолютная ценность, как субстанциональная основа цивилизации на все времена. Критерии рыночной эффективности и коммерческой выгоды провозглашаются мерилем всей человеческой деятельности. Реальный человек с его страстями и стремлениями, выходящими за рамки обозначенных критериев, предстает, с этой точки зрения, досадным обременением эффективности и производительности экономики. ИТР и связанное с ним «большое переформатирование» социума, несмотря на то что именно они выявляют исторические и социогуманитарные ограниченности рынка, также втискиваются в прокрустово ложе тех же самых критериев. Американский историк и эссеист Тони Джадт справедливо замечает, что душа общества, его нравственная жизнь, поиск целей «не могут неопределенно долго подменяться занимательной историей о бесконечном экономическом росте. Изобилие (как однажды выразился Даниел Белл) — это американский эквивалент социализма. Но самое ли это лучшее, что мы можем сделать?» [2, p. 183–184].

В книге, опубликованной в 2011 г., Джадт подробно рассматривает, как после трех послевоенных декад довольно успешного распространения теории и практики государства всеобщего благоденствия в странах западного мира началось контрнаступление неолиберализма. Вначале в этом можно было видеть естественную реакцию на бюрократические извращения и проявления неэффективности в государственной экономической политике предшествующего периода: не был найден оптимальный вариант взаимодействия публичного и частного в жизнедеятельности общества. Однако неолиберальные рецепты исходили из постулата безусловного приоритета частных интересов перед интересами публичными. Вследствие этого начался демонтаж механизмов общего блага, давший импульс дегуманизации западных обществ и всей системы международных отношений глобализирующегося мира.

Ссылаясь на Эдмунда Берка, который считал, что общество, разрушающее структуру своего государства, должно скоро «рассыпаться в пыль и прах индивидуальности», Джадт пишет: «Выхолащивая общественные службы и сводя их к сети служб, арендуемых частными поставщиками, мы начали демонтировать структуру государства. Что касается пыли и праха индивидуальности, то положение очень напоминает гоббсовскую войну всех против всех, в

которой жизнь для многих людей вновь стала одинокой, бедной и, мягко говоря, довольно скверной» [2, р. 119].

По словам американского историка, все это ведет к коррозии публичного пространства и, в конечном счете, к правовому произволу, к подмене гуманистических норм права законами джунглей. «...Мы, — пишет он, — утрачиваем понимание того, что общие интересы и общие потребности должны быть выше частных предпочтений и индивидуальной выгоды. А раз мы перестанем считать публичное выше частного, у нас со временем возникнут затруднения в поисках ответа на вопрос, почему это мы должны признавать верховенство закона (преимущественно публичное благо) над силой» [2, р. 129].

К большим осложнениям привели и попытки применить неолиберальные критерии к международным отношениям. Установки пресловутого вашингтонского консенсуса породили тяжелейшую экономическую ситуацию во многих развивающихся странах, поставили некоторые из них на грань национальной катастрофы. Перспективы нового мышления в мировой политике, формирования демократического мирового порядка в духе принципов гуманизма, высвеченные во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг., исчезли перед реальностью рецидивов силовой политики и наступления международного терроризма.

Словом, дегуманизация социума приняла угрожающие масштабы. Защита и развитие гуманистических традиций, осмысление новых форм, стандартов, ценностей, образцов, критериев гуманизма в нарождающемся информационном обществе — это глобальная проблема. По своей контрастности и драматизму противоборства новаторских и консервативных сил, сил разума и невежества XXI в. чем-то напоминает XV–XVI вв. европейской истории. В обоих случаях луч знаний высвечивает людям возможность нормальных гуманистических отношений в социуме. И одновременно наблюдается всплеск антигуманных акций, попирающих человеческое достоинство. И здесь, и там общество переживает полосу турбулентной тряски, которая вносит в жизнь людей хаос неустойчивости и неопределенности, сопряженный с бедствиями и ожесточением. В обоих случаях назревает большое переформатирование социума. В XVI в. начиналась эра буржуазных революций, открывших эпоху индустриального общества. В XXI в. мерцают зарницы эры инновационной модернизации, которая открывает новую эпоху постиндустриального общества.

Переформатирование — это всегда веер возможностей и всегда противостояние альтернатив. На заре эпохи индустриализма, когда рождавшиеся капиталистические отношения ясно обнаружили в себе антигуманные коннотации, в общественной мысли возникло мощное течение просветительского гуманизма. Новое мировоззрение пронизало атмосферу европейского общества, стало противовесом жестоким тенденциям беспощадного угнетения, которые нес с собой манчестерский капитализм — символ бесчеловечности. Тогдашний просветительский гуманизм был наивным, полагался на безграничную силу разума, рассчитывал на всеобщую гармонию. Тем не менее он сыграл свою роль в нейтрализации наиболее отвратительных черт нарождавшегося капитализма, в создании предпосылок для гуманизации общества.

Нынешнее глобальное переформатирование социума создает потребность в новом просветительском гуманизме. Для успешной инновационной модернизации общества люди нуждаются в гуманистическом просвещении. Новый гуманизм не может быть повторением того, что проповедовали гуманисты эпохи Возрождения. Мы знаем, что полная гармония недостижима, что мир антиномичен и надо уметь жить с противоречиями и конфликтами, овладевать культурой толерантности. Задача в том, чтобы обозначить проблематику нового

гуманизма, не просто заниматься просветительством, т.е. нести людям знания, а сочетать пропаганду знаний с аналитической рефлексией о том, как творческая природа человека и социальная солидарность творят действительность. В этом суть инновационного типа развития (ранняя ступень ноосферы), к которому ведет инновационная модернизация.

Новый гуманизм ориентирован на перспективу сознательного регулирования социума, на новое качество цивилизационного развития. Быстро развивающаяся сеть креативной жизнедеятельности общества нуждается в такой системе регулирования, которая соединяет принципы и практику управления общественными процессами с механизмами саморазвития, самоуправления и саморегулирования, спонтанно вырастающими в гуще самого социума. Общественная мысль нащупывает первые симптомы изменений в конфигурации управления/самоуправления социумом. Не случайно очередной Всемирный конгресс политической науки (Мадрид, июль 2012 г.) избрал в качестве темы для обсуждения «Переформатирование власти, подвижка границ». В повестке дня стоят вопросы о новых субъектах политики, о подключении к властным функциям корпоративных и неправительственных организаций, гражданских ассоциаций, центров креативной мысли и креативной деятельности.

«Большое переформатирование» социума ставит и большую проблему смыслообразующих начал, которые определяют деятельность человека. Ценности нового гуманизма выводят за узкий горизонт эгоистических мотивов потребительского индивидуализма и коммерческой выгоды. Общественная атмосфера насыщается этим ценностным ферментом, побуждающим к активным гражданским действиям.

В XXI столетии перед человечеством встала небывалая по масштабу и сложности задача: вырваться из вязкой колеи веками складывавшихся представлений и предрассудков о миропорядке, о месте и роли homo sapiens в устройстве социума, обрести новое видение социальной реальности, необходимое для поиска ответов на вызовы времени. Задача трудная. Но от ее решения зависит, перешагнет ли человеческая цивилизация через порог ноосферы, или драматическая история земного очага разума завершится самоуничтожением. Ставка столь велика, что надо отнестись к этой проблеме достаточно серьезно и ответственно. Переживаемый глобальным социумом момент обязывает нас, говоря словами Карла Ясперса, услышать зов из бездны будущего — «действовать, пока еще есть время» [1, с. 416].

Сейчас же мы должны констатировать, что атмосфера в глобальном социуме не способствует выходу России из наезженной колеи инерционного развития. Скорее всего, нас ждет не какой-то спасительный поворот, а долгий утомительный марш гуманистического просвещения, общественной рефлексии и коллективных действий. На этом тернистом пути будут свои промежуточные вехи — частичные повороты и сдвиги в общественном сознании, в общественных институтах и отношениях, в способах политической деятельности. Быть может, нынешнее протестное движение обозначает одну из этих вех. Будет ли продолжение? Наша главная надежда на большие перемены — это **прессинг обстоятельств**, который делает невозможным жить по-старому и управлять по-старому; это **развитие публичной сферы** как пространства выражения и взаимодействия плюралистических интересов и мнений; это **внутриэлитное давление**, не позволяющее власти стать неподвижным монолитом.

Вопрос только в том, хватит ли исторического времени, чтобы одолеть эту марафонскую дистанцию.

Литература

- 1 Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1991.
- 2 Judt T. Ill Fares the land : a treatise on our present discontents. London : Penguin Books, 2011.